

УДК 81

Е.Г. Кольовска

Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова

г. Москва, Россия

egkol@rambler.ru

ЭКСПЛИКАЦИЯ ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНОГО КОДА КУЛЬТУРЫ В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ

**[*Koliovska E. G.* Explication of the nature and landscape code
of culture in Russian proverbs]**

The problem of the relationship between language and culture still remains controversial in science. Nevertheless, it is obvious that the connection between these two complicated semiotic systems is bilateral that particularly appears when considering the various codes of culture. The code of culture in this case is treated as a verbalized formation, whose units have additional cultural meanings besides general linguistic ones. The article examines how the units of the natural-landscape code of Russian culture (the names related to the thematic field "nature") manifest these special additional meanings in the composition of such complex linguistic signs as paremiaes. The results of interpretive analysis of almost three hundred Russian proverbs give reason to speak about polysemy of lexemes forest, field, mountain, sea, river as signs of the "language of culture" and allow to define some of their meanings.

Key words: language, culture, verbal code of culture, proverbs, symbol, standard.

Данное Ю.М. Лотманом определение культуры как «формы общения между людьми» и «негенетической памяти коллектива» [5, с. 6, 8] содержит указание на такие ее свойства, как коммуникативность, кумулятивность, семиотичность. Любая информация, чтобы быть переданной, должна быть определенным образом обработана – «означена», «закодирована». В результате освоения человеком окружающей действительности возникает система знаков материального и духовного мира, наделяемых им определенным культурным смыслом, – иерархизированная совокупность кодов культуры, охватывающих разные сферы, фрагменты бытия. Эти знаки не обязательно имеют вербальный характер, но язык семиотически является наиболее универсальным способом означивания мира, и «знаковые средства естественного языка – слова, фразеологизмы разных типов, высказывания и целые тексты обретают роль знаков “языка” культуры в единстве своей формы и содержания» [6, с. 777].

Любой вербальный код культуры «принадлежит естественному языку в широком смысле этого слова, но он образует несколько иную систему значений, отличных от тех, которые описываются в традиционных словарях» [4, с. 165]. Так, в зооморфном коде *медведь* является символом силы, незлобivosti, *свинья* – нечистоплотности; в соматическом *губы* связаны с символикой желания, стремления к чему-либо (*раскатать губу, губа не дура*), а горло – с дыханием, угроза горлу означает угрозу жизни или ограничение свободы (*брать за горло, наступить на горло*) (см. [3, с. 182–189]). Единицы кода культуры обладают специфическим значением, которое не идентично общезыковому, «обыденному». Это особый тип коннотативного значения, в котором аккумулирована культурно значимая информация.

Важнейшим источником лингвокультурологической информации является паремиологический фонд языка. «В основе большинства паремий лежат элементы, репрезентирующие оценку содержания с культурной точки зрения» [1, с. 136]. Выделяя среди кодов культуры природно-ландшафтный код и включая в него имена природных объектов, в общем виде формирующих характерный для определенной местности пейзаж, попытаемся проследить, какие особые значения несут в составе русских пословично-поговорочных паремий такие лексемы, как *лес, поле, гора, море, река*.

Материалом для исследования послужили следующие словари и сборники: «Русские пословицы и поговорки» под редакцией В.П. Аникина, «Пословицы русского народа» и «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, «Словарь русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова, «Русская мысль и речь» и «Ходячие и меткие слова» М.И. Михельсона, «500 наиболее употребительных русских пословичных изречений» Г.Л. Пермякова (в кн. «Основы структурной паремиологии») и др. Корпус исследуемого материала составил более 300 паремий. Сюда вошли в том числе и архаичные примеры, поскольку они несут определенную «память языка» и отражают особенности национального мировосприятия.

Методом интерпретации отобранных пословиц и поговорок нами было выявлено 3 группы: 1) паремии, в которых преобладающим является представление о природе как освоенном человеком, включенном им в хозяйственно-трудовую практику – «своем» – пространстве (эти пословицы составляют 19% от всего исследуемого языкового материала), 2) паремии, в которых еди-

ницы природно-ландшафтного кода культуры символизируют «чужое», противопоставленное «своему» пространство или границу между двумя пространствами – «своим» и «чужим» (57%), и 3) паремии, в которых на первый план выступает эталонная функция единиц природно-ландшафтного кода как количественной меры (24%). Следует заметить, что это деление в известной степени условно, поскольку входящие в состав паремий лексемы – единицы природно-ландшафтного кода культуры оказываются полисемичны (и даже амбивалентны) и иногда в одной паремии можно заметить проявление нескольких их значений. Наша классификация строится на том, какое из этих значений в каждом конкретном случае важно при интерпретации общей семантики исследуемых воспроизводимых устойчивых единиц языка.

В паремиях первой группы в первую очередь нашли отражение различные обиходно-трудовые практики, связанные с лесными, полевыми и водными угодьями: заготовка дров, сбор грибов и ягод, охота, земледелие, выпас скота, рыболовство, а также иные виды трудовой деятельности человека: *Без расчистки и лес не стоит / не растет; Был бы лес, а топор сыщем; В лес не съездишь, так и на печке замерзнешь; По беду – не в лес по малину / не по грибы; Медведь в лесу, а шкура продана; Не тогда собак кормить, когда в поле ехать; В поле серпом да вилой, так и дома ножом да вилкой; Красно поле пшеном, а беседа умом; Бодливую корову с поля долой; Подкошенная трава и в поле сохнет; Кабы мужик на печи не лежал, корабли бы за море снаряжал; Море даст, что возьмешь; С морем / в море горе, а без него нет и того; Рыба в реке – не в руке* и др.

В данной группе безусловно преобладающими в количественном отношении являются паремии, по своему происхождению связанные с земледельческим трудом, а также такие, в которых отражается представление о лесе как материале для хозяйственно-бытовых нужд (по преимуществу это – дрова). Это объясняется, очевидно, особенностями обусловленного определенными природно-климатическими условиями жизненного и хозяйственного уклада русского крестьянства. Только 10% рассматриваемых пословиц и поговорок имеют в своем составе имена с «водной семантикой» (*море, река*). Показательно, что в данной группе нам не встретились паремии, содержащие компонент *гора*.

Во второй группе паремий, гораздо более многочисленной, чем предыдущая, можно выделить две большие подгруппы, в которых единицы природно-ландшафтного кода символизируют а) «чужое» пространство и б) границу между двумя пространствами, «своим» и «чужим».

В паремиях подгруппы (а) «чужое» пространство может быть представлено безоценочно (напр., *Была правда, да в лес ушла; Как волка ни корми, он все в лес глядит; Синица в руках лучше соловья в лесу; Мой талан пошел по горам*), а может характеризоваться как труднопреодолимое и даже опасное, враждебное (*Волка бояться, так в лес не ходить; Ходить в лесу – видеть смерть на носу <либо деревом убьет, либо медведь задерет>; Не верь ветру в море / в поле; Кто на море не бывал, тот горя не видал / тот до сына Богу не маливался; Со стороны горе, с другой – море, с третьей – болото да мох, а с четвертой – ох!; Хвали горку, как перевалишься и др.*). Среди этих паремий также можно встретить такие, в которых единицы природно-ландшафтного кода символизируют «другой» человеческий мир – внешний (селение, общество) и внутренний (душа) – как «неродной», непонятный, отличный от «своего»: *В чужом месте, что в лесе; Чужие люди – дремучий лес; Чужая душа – темный лес; Не на своем поле посеяно – выбором не выберешь* (о невесте) и др. В единичных случаях наблюдается положительная оценка «чужого» пространства по сравнению со «своим»: *Чем верить люду мирскому, верить темному лесу; Не мил белый свет – беги в темный лес!*

Среди паремий подгруппы (б) можно выделить такие, где представлено безоценочное обозначение рубежа между «своим» и «чужим» пространством (напр., *Ты от горя за реку – а оно уже стоит на берегу!; Ворона прямо летает, да за море не попадает; касатка крюками летает, а за море попадает*), а также такие, где помимо обозначения «рубежа» проявляется оценка того, что за этим рубежом расположено, как «чужого» пространства, которому противопоставляется «свое» (напр., *Из-за лесу и туча идет; За горами петь хорошо, а дома жить хорошо; За морем веселье, да чужое, а у нас и горе, да свое; Хоть битую быть, а за реку плыть*) или которое сопоставляется со «своим» (*И за морем горох не под печью сеют; И за рекой люди живут; Ума за морем не купишь, коли его дома нет* и др.). Отдельно отметим паремии, в которых проявляется пространственное осмысление времени: *Дума за горами, а смерть за плечами; Смерть / беда не за горами, а за плечами; Ум за морем, а смерть за воротом / за воротами.*

Наибольшее количество паремий из рассматриваемой группы (43%) содержат лексемы с «водной семантикой» – *море* и *река*. Вторыми по численности (29%) являются паремии, в состав которых входит компонент *лес*. Компонент *поле* зафиксирован в составе 22% паремий, однако в большинстве из них отражается представление о *поле* не как о сельскохозяйственных угодьях, а как о месте сражения, боя (*В поле – ни отца, ни матери: заступиться некому; В поле кто служит, о доме не тужит: где стал, тут и стан; Коли у поля стал, так бей наповал; Лучшие умирать в поле, чем в бабьем подоле; Глупому в поле не давай воли!* и др.). Менее всего (6%) в данной группе отмечено паремий, в которых встречается лексема *гора* или диминутив *горка*.

Анализируя третью группу паремий, можно выделить следующие квантификативные эталонные функции их компонентов – лексем, соотносящихся с природно-ландшафтным кодом культуры:

– большой объем, предстающий как целостная величина: *Мир заревет, так леса стонут / лес клонится; Бес качает горами, не только нами; В долгу, что в море: ни дна, ни берегов; Горе не море, выпьешь до дна <охнешь – не издохнешь>; И большой бадьей реки не вычерпать* и др.;

– большое количество / объем, состоящий из отдельных объектов (сопоставление целого и его части): *Бог и лесу не сравнял; Лес по дереву не тужит; Из крошек кучка, из капель море; По капле дождь, а дождь реки поит: реками море стоит* и др.;

– мера протяженности (горизонтальная пространственная или временная ось): *В чистом поле теснота: один кашу варит, да и ту пролил; Кручиной моря не переедешь; Челном (щепкой) моря не перепахать; Век не поле, вдруг не перескочить; Век жить, не реку бресть; Век / жизнь прожить – не поле перейти / не море переплыть* и др.;

– мера высоты / глубины (вертикальная пространственная или временная ось): *Глядя в / на лес, не вырастешь, смотря на людей, богат не будешь; В гору-то семеро тащат, а с горы и один толкнет; Пора, что гора: скатишься, так оглянешься, В море глубины, а в людях правды не изведает* и др.

Различные эталонные функции, выполняемые анализируемыми лексемами как единицами природно-ландшафтного кода культуры, обусловлены тем, какие признаки обозначаемых ими реалий были выделены и осмыслены в «языке культуры»: размер, форма, наличие горизонтального и / или верти-

кального измерения. Главным образом это «масштабность» соответствующих элементов ландшафта, и поэтому не случайно наиболее «востребованным» в функции эталона большой меры оказывается *море*: совместно с лексемой *река*, примеры употребления которой между тем единичны, *море* как квантификатор встречается даже чаще (52%), чем остальные рассматриваемые лексические единицы вместе взятые. «Второе место» по частотности занимает *гора* и диминутив *горка* – 24% паремий, *лес* – 18%, *поле* – 6%.

Как было сказано выше, единицы природно-ландшафтного кода в паремиях данной группы предстают как мера большого количества, объема (цельного или состоящего из отдельных объектов), протяженности. На первый взгляд, противоположное представление отражено в пословицах *Век не поле, вдруг не перескочить*; *Век жить, не реку бресть*; *Век / жизнь прожить – не поле перейти / не море переплыть*. Однако, с нашей точки зрения, в этих паремиях с помощью отрицания осуществляется не столько противопоставление «малого» (поле, река, море) и «большого» (век = жизнь человека), сколько сопоставление «большого» (поле, река, море) и еще «бóльшего», т. е. мы имеем дело со своеобразной литотой, используемой для того, чтобы подчеркнуть «огромность» человеческой жизни, ср.: *Жизнь прожить, что море переплыть*. Кроме того, в этих пословицах единицы природно-ландшафтного кода не только выполняют эталонную функцию меры, но и выступают как символы «чужого», связанного с трудностями и опасностями при его преодолении, пространства. На этом основании они, безусловно, могли бы быть отнесены к паремиям второй группы. Данные примеры показывают, что границы между выделенными тремя группами паремий достаточно условны, и это объясняется многозначностью входящих в их состав единиц природно-ландшафтного кода культуры. Так, паремии с рифмопарой *море – горе* (всего 20 пословиц) были отнесены нами в различные группы несмотря на то, что во всех них отчетливо проявляется негативная символика воды, моря, отраженная также в паремических текстах, содержащих традиционные фольклорные рифмы *вода – беда, пучина – кручина* (см. об этом [2, с. 50]). Тем не менее мы сочли возможным в каждом конкретном случае опираться на то значение интересующих нас компонентов паремий, которое, с нашей точки зрения, обнаруживается в наибольшей степени при интерпретации целостного содержания паремии и играет главную роль при создании ее образности.

Таким образом, проведенный интерпретационный анализ достаточно репрезентативного корпуса паремий с компонентами – единицами природно-ландшафтного кода позволяет выделить некоторые специфические значения, которые присущи этим единицам как знакам «языка культуры». Лексемы *лес*, *поле*, *море* проявляют амбивалентность, выступая, с одной стороны, символами «своего» (полностью или частично), с другой – «чужого» пространства; вместе с лексемами *гора* и *река* они также символизируют рубеж, границу между «своим» и «чужим». Все указанные лексемы выполняют также эталонную функцию, служа мерой большого количества, объема, протяженности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барли Н.* Структурный подход к максиме // Паремиологические исследования. М., 1984.
2. *Бочина Т.Г.* Русская пословица как диалог времен // Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Пленарные заседания: сборник докладов. Т. I. СПб., 2003.
3. *Гудков Д.Б., Ковшова М.Л.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М., 2007.
4. *Гудков Д.Б., Кольовска Е.Г.* Словарное описание природно-ландшафтного кода русской культуры (на примере лексемы *ЛЕС*) // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. Вып. 7. М., 2011.
5. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. СПб., 1994.
6. *Телия В.Н.* Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В.Н. Телия. М., 2006.

REFERENCES

1. *Barley N.* A structural approach to the maxim // Paremiological study. Moscow, 1984.

2. *Bochina T.G.* Russian proverb as a dialogue of times // Proceedings of the X Congress MAPRYAL. Plenary sessions: summary reports. Vol. I. St. Petersburg, 2003.
3. *Gudkov D.B., Kovshova M.L.* Somatic code of Russian culture: materials for a dictionary. Moscow, 2007.
4. *Gudkov D.B., Kolovska E.G.* Verbal description of the natural-landscape code of Russian culture (on the example of lexeme FOREST) // Language, Literature, Culture: Actual problems of learning and teaching. Issue 7. Moscow, 2011.
5. *Lotman Yu.M.* Conversations about Russian culture. St. Petersburg, 1994.
6. *Teliya V.N.* Afterword. Intention, purposes and objectives of phrasebook of a new type // Large phrasebook of Russian language / ed. V.N. Teliya. Moscow, 2006.

28 ноября 2014 г.